

Якубовская Н. А.

кандидат юридических наук, доцент,

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Являясь результатом усилий по установлению нового международного экономического порядка, предпринятых развивающимися странами в 1960-х годах, международное право развития (МПР) не утратило своей актуальности и сегодня. Как заметил Морис Флори (Maurice Flory), сыгравший значительную роль в разработке доктрины МПР, те, кто стоял у истоков МПР, даже не могли себе представить, что оно окажется таким «долгоживущим» [1, с. 23].

К МПР нет однозначного отношения. Так, Моник Шемиллер-Гендро (Monique Chemillier-Gendreau) отвергает МПР, называя его мифом и современной формой либеральной идеологии, которая с юридической точки зрения является несовместимой с другими концепциями в международном праве. По ее мнению, «право развития» и «разглагольствования» о нем порождают идеологию, не намеревающуюся изменить реальность, а концептуально ее искажающую [2, с. 57].

К счастью, не все настроены так скептически по отношению к МПР, и в основной своей массе ученые-международники не склонны относить его, говоря словами Гая Фаера (Guy Feuer), к «миру грёз» или «воображаемому миру» [3, с. 137-138].

Даже те, кто не считает МПР самостоятельным сводом норм, видят в нем новое измерение международного правопорядка, следующее после фаз международного права сосуществования (international law of coexistence) и международного права сотрудничества (international law of cooperation) [4, с. 869]. Эти идеи особенно заметны в работах франкоязычных ученых, ставших в свое время родоначальниками МПР – Ле droit international du développement – Мориса Флори (Maurice Flory), Рене-Жана Дюпюи (René-Jean Dupuy), Мохамеда Беннуна (Mohamed Bennouna), Алена Пелле (Alain Pellet), Гая Фаера (Guy Feuer) и др.

Более традиционным является рассмотрение МПР как части международного экономического права (МЭП), призванной разре-

шать противоречия между развивающимися и развитыми странами [5, с. 338]. Иными словами, традиционный взгляд на МПР видит его как подотрасль МЭП, нормы которой регулируют различные аспекты международной торговли, финансов и инвестиций, связанные с решением проблем развития, стоящих перед развивающимися странами.

Следует отметить, что в стане сторонников традиционного подхода существуют разногласия, прежде всего, касательно содержания МПР. Так, одни ученые утверждают, что принцип справедливости требует от международного права учитывать различия в уровнях развития государств, что неизбежно приводит к предоставлению развивающимся странами более привилегированного положения [6, с. 5-6]. Следуя этой логике, основным содержанием МПР является: закрепление за развивающимся странам права на помощь развитию, а за развитыми странами – обязанности ее предоставлять; создание условий для беспрепятственного экспорта развивающимися странами сырьевых товаров; гарантирование развивающимся странам доступа к новым технологиям, международным финансовым инструментам и инвестициям; расширение круга возможностей и полномочий развивающихся стран в международных экономических организациях (прежде всего, МВФ) и т. п.

Противники такого подхода утверждают, что МПР не должно предоставлять особые права одним государствам и возлагать специальные обязанности на другие [7, с. 12-15]. В соответствии с международным правом формально все государства являются равноправными, а, следовательно, уровень развития государства не должен влиять на их правовое положение. При этом суверенное равенство государств не исключает возможности добровольного принятия на себя определенных обязательств. Существует множество примеров, когда «богатые» страны учреждают программы и вступают в договоренности, имеющие целью содействие экономическому росту развивающихся стран путем предоставления им различных преференций и помощи развитию (например, Американская обобщенная система преференций (U. S. Generalized System of Preferences) или Соглашение Котону (Cotonou Agreement) между ЕС и 79 странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского

региона). В таком понимании МПР фиксирует взаимные права и обязанности развивающихся и промышленно развитых стран.

Эволюция представлений о сущности такого явления, как развитие, которое сегодня рассматривается как комплексный процесс, имеющий не только экономическое, но и социальное, культурное, экологическое измерения, влечет за собой возникновение новых подходов к пониманию МПР и его месту в системе международного права. Сегодня традиционное представление о МПР является слишком ограниченным и не отражает реального положения вещей. Рассматривать МПР как совокупность принципов и норм, регулирующих экономические взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами, значит не учитывать реалии современной жизни.

В сферу регулирования МПР должны входить не только традиционно отнесенные к нему принципы и нормы МЭП, но и нормы международного экологического права и международного права прав человека. Экономические аспекты развития, проблемы экологии и соблюдения прав человека слишком тесно переплетены между собой, чтобы рассматриваться отдельно. Поэтому в качестве источников МПР должны восприниматься многочисленные Конвенции ООН по правам человека, Всеобщая декларация прав человека, а также ключевые многосторонние соглашения в сфере охраны окружающей среды.

По нашему мнению, в будущем МПР займет место межотраслевого института международного права, т. е. комплекса норм, функционально предназначенных для регулирования отношений между государствами и другими субъектами международного права, возникающих в процессе деятельности, направленной на достижение глобального развития.

Такой прогноз, однако, не означает, что в доктрине международного права в ближайшее время появится однозначность относительно содержания МПР. В любом случае, дискуссии о МПР и его месте в системе международного права играют и продолжают играть положительную роль, привлекая большое внимание со стороны государств, международных правительственных и неправительственных организаций, а также академических кругов к проблемам развития и необходимости поиска способов их преодоления средствами международного права.

Литература:

1. Flory A. North-South Legal Dialogue: The International Law of Development, in Francis G. Snyder, Peter Slinn, International Law of Development: Comparative Perspectives, Professional Books, 1987, 322 pp.
2. Chemillier-Gendreau M. Relations Between the Ideology of Development and Development of Law, in Francis G. Snyder, Peter Slinn, International Law of Development: Comparative Perspectives, Professional Books, 1987, 322 pp.
3. Feuer G. The Role of Resolutions in the Creation of General Rules in the International Law of Development, in Francis G. Snyder, Peter Slinn, International Law of Development: Comparative Perspectives, Professional Books, 1987, 322 pp.
4. Kaltenborn M. «The Legal Significance of Global Development Partnerships: European Development Cooperation and its Contribution to the International Law of Development», Göttingen Journal of International Law, Volume 2, Number 3, 2010, pp. 843-870.
5. Qureshi A. International Economic Law, London, Sweet & Maxwell, 1999, 417 pp.
6. Legal aspects of the new international economic order / edited by Kamal Hossain, London: F. Pinter; New York: Nichols Pub. Co., 1980, 285 pp.
7. Grossman C., Bradlow D. Are We Being Propelled Towards a People-Centered Transnational Legal Order?, 9 The American University Journal of International Law & Policy (1993), pp. 1-26.

Андрейченко С. С.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры международного права

и международных отношений,

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

КОНТРАМЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Принуждение является одним из способов обеспечения международного правопорядка и безопасности, однако проблема применения принуждения к соблюдению норм международного права является одной из наиболее сложных в международном праве. На всех этапах исторического развития государства применяли в своих отношениях принуждение в случае ненадлежащего выполнения одной стороной своих обязанностей с целью заставить правонарушителя выполнить эти обязанности в полном объеме и надлежащей форме. Еще древнеримские правоведы говорили: *ubi remedium ibi jus* (только там, где есть средство защиты, есть право) и напротив: *ubi*